

Тема Родины

в творчестве Евгения Носова

Где-то в самых глубинах России затерялось маленькое, незаметное с виду село с коротким и певуче-звонким названием Усвяты. Впрочем, название у села не такое уж простое, таит оно в себе скрытый до времени смысл. Скрытый для читателей (а теперь уже и зрителей, слушателей), но не для автора. И потому слово это становится самым первым в ряду других, открывающих повесть «Усвятыские шлемоносцы». В этом ставшем для многих привычным сочетании слов выражена автором идея святости Родины, святости действий поднимающегося в полный рост народа, святости единственно великой из войн — войны за свое Отечество. Нет, не случайно ворвется в рассказ Евгения Носова «Красное вино победы», одновременно породив ощущение его прозрачной трагической глубины и высокой эпической силы, песня:

*Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой...*

Чувство Родины, чувство дома — один из главных художественных ориентиров в творчестве Евгения Носова. Не обозначен

принадлежит к тому типу художников, для которых вне национальной сферы нет творческого дыхания. Стоит на какое-то мгновение лишиться произведения Е. Носова особых, таких характерных для его художественного мира примет бытия, как сразу рухнут своды его строений, и станет ясно, как глубока и значительна в его прозе «корневая» система. Видно, не зря родилось у Ф. Панферова сравнение писателя с «мужиком Антеем». И как животильную силу своей земли ощутили Ф. Абрамов, В. Солоухин, В. Астафьев, В. Белов, другие современные прозаики, так щедро зачерпнул из родного колодца чистой, по-утреннему свежей воды Евгений Носов.

Своей «степной родиной» назвал писатель южнорусские просторы России. Как же надо любить эти «однообразные курские взгорки», эти лишенные таежных чудес или приморской экзотики места, чтобы засверкали, переливаясь красками, слова и стали торжественным, почти патетическим гимном красоте русской земли, ее нескончаемой поэзии, ее уходящей в глубь веков и обращенной в будущее силе! «А вскоре падет снег, степь замрет,

новый образ Онежского озера и как страшный след минувшей войны протез Савони — красота и горькая правда — вот оно, «собственное», наше настоящее и прошлое. Память, перерастающая в ответственность. «Онега теперь не наша. Теперь вам ею владеть. Какие дела вы тут на ей будете делать, с вас спрос». Нетрудно увидеть в сгущенной метафоризации этого образа отражение точного, словно выверенного по компасу, направления писательского поиска.

Проза Евгения Носова — это слияние высокого эмоционально-напряженного начала со сдержанно-уравновешенной, строго реалистичной манерой письма. Поднимут музыканты мокрые от дождя трубы — и стены обычного маленького деревенского дома заполнят звуки... сонаты Шопена. И словно сойдут нанесенные суетой дня тускло-будничные и привычные краски, и проступят сквозь них вечные, нетленные черты полотна времени. Найти и показать плоскость сопряжения граней малого и великого — не есть ли это подлинное искусство, искусство, соперником у которого может выступать только жизнь? В этой озаряющей мир художника диалектичности — ключ к решению темы Родины в прозе Евгения Носова.

Когда над головой высокое чистое небо и земля наполнена мирным покоем, наверное, не так уж важно, «далеко ли от края земли» стоят Усвяты. Слишком естественна, слишком проста принимаемая каждым новым поколением одна и та же непреложная истина: «И лишь одно название было всем дорого и понятно, как, скажем, мать или хлеб, — Россия». Но придет день, подойдет час, наступит та минута, когда, «через силу порывая липучие тенета отчего дома», выбежит герой за калитку, вместе со всеми, такими же, как и он, разбегется и перепрыгнет «через узкое руслице на ту сторону, за первые пределы отчей земли, своей малой родины», а там — кто может знать заранее? — возможно, и доведется ему самому изведать, «досягаем ли вообще предел русской земли», о которой думалось в Усвятах, что «нет ей конца и краю». Позади у героя вся жизнь, а впереди — война. И не может, не вправе он поступить как-то иначе, потому что «не скажешь же Лехе: на тебя тройка або пятерку, пойдй повоюй за меня», потому что «каждая пядь земли» должна иметь своего защитника.

Их, в Таган-роге-ге!

Эх, в Таган-ро-ге!

Да в Таган-роге

приключилась беда-а-а...

Таганрог, Тагил, Перемышль, Минск, Львов, Муром, Козлов-город, Воронеж, Москва... Нет, повесть не замкнута географически в маленькой точке, которой не нашлось даже места на карте. Она включает в себя целый мир, с городами, народами и странами. И этот большой и значительный мир совсем не отменяет малого, не менее значительного. Реки, они ведь тоже начинаются с ручейков.

Вскрывая диалектику отношений между малым и большим, отдельным и общим, частью и целым, Евгений Носов смог не только оставить «открытыми» пространственные границы повести, но и временные, исторические. Таким же «крупным планом», как село Усвяты — этот центр мироздания, эта «Касьянова вселенная», — взят автором и совсем небольшой отрезок времени: десять начальных дней войны. И как в Усвятах предстал облик России, в усвятском ополчении — облик народа, так в этих десяти днях — все, что было за ними, ибо на весах истории в ту решающую минуту был положен весь национальный опыт. «Сколько уже заматывались на Россию, — ободренно продолжал Селиван, — а она и доси стоит. Уже тыщу годов. Эвон какое дерево вымахало за тыщу лет: шапка валится на верхушку глядеть».

«От «Слова о полку Игореве» до «Войны и мира» русская литература пронесла через века священный образ Родины и думы о ее судьбе», — сказал, выступая на V съезде писателей РСФСР, Евгений Носов. Начатый спокойно-величавыми словами летописца «откуда есть пошла Русская земля», разговор о Родине литература продолжает и сегодня. Конечно, вести его трудно и ответственно. Ведь только при условии таланта и большого неподдельного чувства обретет жизнь сказанное о ней свое, незаменимое слово.

Лариса ДУДИНА,

старший преподаватель
нафедры литературы
Усть-Каменогорского
педагогического института

УСТЬ-КАМЕНГОРСКИЙ

СВЯЩЕННЫЙ ОБРАЗ

но на карте маленькое село Усвяты, как нет, наверное, на ней и родной деревеньки солдата Копешкина — Сухой Житень. Увидеть их, проверить себя как художника на этой их зримости, вещности, реальности мог писатель, глубоко постигший соотношение больших и малых величин. «У меня свое, у тебя свое, у него, а вместе — это родина», — писал М. Пришвин в «Корабельной чаще». — Чувствовать вместе свое мы научились на войне». Накрепко спаяла судьбу Евгения Носова с судьбой народа и Родины Великая Отечественная война. Художественный опыт писателя, принявший форму «личного». Исторический опыт определил творческую эволюцию писателя — его путь от лирических рассказов, этюдов, зарисовок к эпическим повествовательным формам. Но он же определил и удивительную цельность его творчества, так как и в ранних рассказах начинающего писателя, и в более поздних произведениях, созданных рукой мастера, Евгений Носов остается одним и тем же. Вся его проза — это исполненная большой внутренней силы, чистоты и проникновенного лиризма песня о Родине. В ней, этой песне, естественно и просто звучат негромкие слова о величии малого: «Нарисовалась бревенчатая изба с тремя оконцами по фасаду, косматое дерево у калитки, похожее на перевернутый веник». И так же негромко, с той же естественной свободой, только, может быть, более привольно и широко выступает тема величия большого: «Против тех государств, как бы разнополевных кулижек, витиевато обведенных на карте межами и частоколом, лежала она, будто большое, раздольное поле...».

Как-то незаметно, словно бы само собой, закрепилось за Евгением Носовым определение незаурядного мастера слова. Случались и спорные оценки его произведений, но неизменным при этом оставалось одно — признание таланта писателя, его мастерства. Неужели успех творчества Е. Носова, его художническое обаяние определяется только кропотливой работой автора над словом? Да, это одно из главных и сильнейших качеств его прозы. Но вместе с тем за этим стоит нечто большее, именно то, что Сергей Есенин заключил в емкую и лаконичную формулу: «Знаешь, почему я поэт? У меня родина есть...».

Есть немало произведений, в которых приметы времени и пространства — чисто внешние, вызванные необходимостью организации материала в рамках художественности. Е. Носов работает не так. Он

затаится до весны, а там снова адонис и сон-траза, ирисы и анемоны...

На одной земле живут писатель и его герои. Где-то в ночи работает трактор и скачет на лошади с сумасшедше бьющимся от испуга и предчувствия счастья сердцем Варька. Торопятся в город Пелагея и Дуняшка. Вступает в сражение за свою деревню Покатиловку подпасок Митька. В беспокойных хлопотах проводит дни на сельскохозяйственной выставке доярка Анисья. Поверяет Анфисе душу и председателем свои заботы Павел Чапурин. И вот уже, как давняя названная рассказу «Течет речка...», движется и течет «независимо» от автора жизнь. За простотой и безыскусностью рассказов Е. Носова не сразу удается ощутить их исследовательский пафос, художническое постижение писателем глубинных основ связи человека и Родины. «Опустевшие поля не вызвали у них никаких размышлений: они здесь жили, и все было привычным и незаметным, как этот осенний полевой воздух, которым дышали». Герои не отдают себя от окружающего мира, они как бы растворены в нем, они любят Отчизну не рассуждая, потому что сами, по словам Леонида Леонова, физически сотканы из частиц ее неба, полей и рек.

Нет, наверное, для Евгения Носова земли краше курской. Далеким историческим эхом через эпиграф к повести «Усвятыские шлемоносцы» входят в художественное пространство его прозы строки бессмертного «Слова»: «...а мои куряне опытные воины». Знаменитым сражением на Курской дуге, опаленная войной, предстает эта земля в рассказе «Шопен, соната номер два». Оплачен и «курской» кровью «праздник со слезами на глазах» — в рассказе «Красное вино победы». И если это была «малая родина», то в ней со всей очевидностью проступали черты «Родины большой». На случайном в «вологдских», «северных» по своему материалу произведениях Евгения Носова «За долами, за лесами», «Во субботу, день ненастный...», «И уплывают пароходы, и остаются берега» своеобразно смогли повториться темы и интонации его прозы, ибо сохранен был главный мотив творчества — мотив красоты и мужественной истории. Общими оказались основы народной жизни и на «степной родине» писателя, и на «лесной родине» его друга. Лирическая стихия этих произведений не может скрыть их эпического «силового поля», которое создает поднят автором национальный пласт. Поэтически возвышен-